

Д. В. Певко

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

Дискурсивная метафора здания в древнерусской гимнографии как источник ряда устойчивых символов

Певко Д. В. Дискурсивна метафора «будівля» в давньоруській гімнографії як джерело ряду стійких символів. У статті розглядається образно-асоціативне поле церковнослов'янських символів, що засновані на дискурсивній метафорі «будівля». Дослідження спирається на великий матеріал, взятий з московських стародруків міней, канонників та інших богослужбових книг. Наводяться стійкі атрибути, предикативні характеристики, а також конструкції, в яких ключовий іменник прямо пояснюється за допомогою іншого слова. Крім відсилань до біблійно-богословського дискурсу розглядаються і міфопоетичні витoki образності. Інтертекстуальний підхід дозволяє описати символічні значення як особливий рівень семантики церковнослов'янської мови, а не як елемент авторського стилю окремих гімнографів.

Ключові слова: церковнослов'янська мова, стародруки, гімнографія, мінея, символіка, образність, семантика, дискурсивна метафора, когнітивна метафора.

Певко Д. В. Дискурсивная метафора «здание» в древнерусской гимнографии как источник ряда устойчивых символов. В статье рассматривается образно-ассоциативное поле церковнославянских символов, основанных на дискурсивной метафоре «здание». В исследовании использован обширный материал, взятый из московских старопечатных миней, канонников и других богослужбных книг. Приводятся устойчивые атрибуты, предикативные характеристики, а также конструкции, в которых ключевое существительное прямо объясняется с помощью другого слова. Кроме отсылок к библейско-богословскому дискурсу рассматриваются и мифопоэтические истоки образности. Интертекстуальный подход позволяет описать символические значения слов как особый уровень семантики церковнославянского языка, а не как элемент авторского стиля отдельных гимнографов.

Ключевые слова: церковнославянский язык, старопечатные книги, гимнография, мінея, символіка, образность, семантика, дискурсивная метафора, когнитивная метафора.

Pevko D. V. The discourse metaphor “house” in Old Russian hymnography as a source of a number of persistent symbols. The article describes figurative and associative field of the Church Slavonic symbols based on the discourse metaphor “house”. The study used extensive data collected from the Moscow early printed Menaion, kanons, and other liturgical books. The stable attributes, predicative characteristics and constructions, in which the key noun is directly decrypted by other words, are provided. In addition to references to biblical-theological discourse the mythopoetical origins of the imagery are considered. An intertextual approach allows to describe symbolic meaning of the words as a special semantic level in Church Slavonic language and not as an element of a separate hymnographer's style.

Keywords: Church Slavonic, early printed books, hymnography, Menaion, symbolism, imagery, semantics, discourse metaphor, conceptual metaphor.

Т. И. Вендина в своей книге «Из кирилло-мефодиевского наследия в русской культуре» отмечает, что вопрос о влиянии старославянского языка на русский язык и культуру «из разряда дискуссионных перешел в разряд очевидных» [3:3]. В более ранней монографии [4] исследовательнице удалось убедительно показать, насколько важную роль старославянский язык сыграл в формировании русской концептосферы. В работах Т. И. Вендиной, ее учителя Е. М. Верещагина, А. С. Львова и Р. М. Цейтлин подробно описана старославянская лексика раннего периода — ее происхождение, основной фонд, базовые и некоторые ассоциативные значения, а также «терминотворчество» Кирилла и Мефодия.

Для богослужбных текстов характерно также выстраивание сложной системы переносных значений. О. А. Седакова отмечает, что в богослужбных гимнах явно преобладает интеллектуальное

и конструктивное начало. Она сравнивает церковнославянский язык с иконой, создающей картину сложно преобразованной, концептуализированной действительности [14:78]. Достаточно полно описать систему символических соответствий — трудная и до сих пор не решенная задача, поскольку речь идет о «символике языка, а не текста», по выражению А. Г. Кравецкого [9:98]. В его кратком словаре церковнославянских символов ключевые слова описаны только как «отсылки к библейским текстам, событиям священной истории и истории Церкви» [9:97].

Но сама библейская образность возникла не на пустом месте — она органично вписывается в мифопоэтическую модель мира античной средиземноморской цивилизации, как минимум вавилонской и греческой. Церковь использовала не только философский, но и образный язык неоплатонизма. Набор ключевых оппозиций и символов,

который можно наблюдать уже в гимнах Прокла [15:650–654], практически полностью перешел в византийскую гимнографию. Конечно, в церковных гимнах мифопоэтическая модель мира переосмыслена: она становится поэтическим средством описания невидимой, «духовной» реальности. Слова-символы, основанные на библейских и мифопоэтических ассоциациях, используются для образного выражения ключевых концептов христианской культуры (Бог, благодать, святость, вечность, закон, заповедь) [13:56–57].

Сейчас растет интерес филологов к славянской гимнографии. Обзор обширной литературы по южнославянским богослужебным книгам приводится в статье [10]. Работ по древнерусской гимнографии гораздо меньше, и в большинстве из них обсуждаются проблемы текстологии и жанровых форм, фонетические, словообразовательные, грамматические особенности. Серьезный вклад в изучение богослужебных текстов Киевской Руси внес М. Ф. Мурьянов [12:437]. Он уделял большое внимание семантике, поэтике, словам-символам, которые толковал в философском и лингвокультурологическом ключе.

Богатейшим собранием церковных гимнов являются минеи месячные — сборники служб на каждый месяц года. Рукописные, а позже и печатные копии служебных миней были широко распространены, этот тип книги занимает очень важное место в древнерусской иерархии литературных жанров. Символика миней не обособлена от символики других жанров церковной книжности. Но именно в минеях символы представлены с особой полнотой — и в плане поэтической разработки, и в количественном отношении. В богослужебных гимнах поэтический потенциал церковнославянского языка проявился наиболее ярко.

Для изучения позднего церковнославянского языка русского извода интерес представляют в первую очередь оригинальные, а не переводные тексты. За редким исключением, авторы работ по гимнографии до сих пор исследовали только памятники времен Киевской Руси. Однако надо признать, что московский период был в этом отношении намного плодотворнее: в Московской Руси в XV–XVI веках были канонизированы сотни местных святых. Им составляли торжественные службы, причем среди авторов были такие выдающиеся мастера слова, как Пахомий Логофет и царь Иван Грозный.

В первой половине XVII века Московский печатный двор дважды издавал минеи (1607–1630; 1636–1646), что способствовало закреплению окончательной редакции гимнов. Именно в этом виде система символов позднего церковнославянского языка могла оказать влияние на русский литературный дискурс. Реформа Никона очень слабо повлияла на службы русским святым и иконам Богоматери. Наш опыт сравнительного анализа иосифовских и петровских миней показал, что пореформенная редакция местных служб отличается от старой только орфографией, пунктуацией и некоторыми грамматическими особенностями.

В минеях символы образуют сложную систему развернутых метафор и пересекающихся символических рядов. В риторике и семиотике смысловая структура такого рода, основанная на повторе отдельных элементов, на последовательной метафоризации всего текста и системе интертекстуальных связей, называется дискурсивной метафорой. Символ может «редуцироваться» до ключевого существительного или определить содержание краткого цикла песнопений. Различные модификации образа помогли освежить восприятие традиционных символических уподоблений.

Минимальной структурой, на базе которой возникает дискурсивная метафора, можно считать сочетание существительного-символа с различными формами глагольной предикации. Такое сочетание уже является как бы микросюжетом. Возникающие на его базе актантные структуры, наборы ситуаций помогают выявить типичные оппозиции, действия, логические связи и коннотации. Устойчивые, повторяющиеся эпитеты, смысловые связи помогают уточнить семантику ключевого слова. К этому, в общем, и сводится анализ метафоры у современных авторов, несмотря на разную терминологию и подходы [5, 7]. В нашем случае необходимо принять во внимание еще и греческие соответствия, поскольку греческий язык оказал существенное влияние на семантику церковнославянского языка.

В службах святым слова-символы образуют особый язык святости, предназначенный для особого рода похвалы — похвалы через переименование, уподобление предмету или явлению. Символы здесь являются знаками вторичной номинации, поскольку они образуют иносказательный план, отличный от нулевой степени риторичности. Эта иносказательность часто отмечена специальными маркерами — словами словесными, мысленными, оумными, разумными, духовными, побуждающими слушателя подняться над буквальным восприятием образов.

Идеологическая роль символов означает, что в церковнославянских богослужебных текстах дискурсивная метафора фактически выполняет функцию концептуальной (когнитивной) — воплощает «духовные», абстрактные смыслы в наглядных образах. Многократное повторение этих образов в богослужебных гимнах обогащало язык и пробуждало мысль: сама возможность семантического переноса свидетельствует о переходе от архаичного нерасчлененного мышления к абстрактному [11:53]. Именно в церковных гимнах и похвальных словах получили детальную разработку такие базисные метафоры, позже вошедшие в фонд русского языка, как «светило/светильник», «источник», «основание», «рост». В процессе секуляризации они из символов стали обычными языковыми метафорами, как бы ниспав из контекста церковного языка и культа в юдоль быденного сознания.

Цель статьи — описать образно-ассоциативное поле слов-символов, связанных с дискурсивной метафорой «здание», одной из самых ходовых

в гимнографии. При этом необходимо учитывать, что православные богослужебные книги представляют собой не просто набор отдельных произведений, а огромный интертекст, пронизанный повторами и смысловыми отсылками. Поэтому практически невозможно адекватно истолковать символ, ограничиваясь рамками службы какому-либо одному святому. Материалом нашего исследования на протяжении многих лет был весь корпус московских старопечатных миней, что и позволило получить достаточное число контекстов. Переводные службы и другие тексты православной традиции используются только для того, чтобы показать греческие соответствия и истоки символики. Основные примеры взяты из служб древнерусским святым и иконам Богородицы.

Толкование слов-символов, которые в гимнах используются либо как метафорическая номинация (прямое уподобление), либо в составе сравнительных оборотов, основано на контекстном анализе. Приводятся устойчивые атрибуты-прилагательные, наречия, предикативные характеристики, выраженные разными формами глагола, и конструкции, в которых ключевое существительное объясняется с помощью другого слова. Кроме прямых отсылок к Библии и патристике рассматриваются мифопоэтические и когнитивные истоки образности.

Дискурсивная метафора «здание» в древнерусской гимнографии представлена ключевыми существительными камнь, основаніg ‘фундамент’, столпъ, стѣна, огражденіg, забрало, домъ, храмъ, храмина. К этому ряду примыкает и гора как иконический образ вертикали, восхождения, устойчивости, также связанный с камнем. Каждое из этих слов несет символическую нагрузку, аккумулирует в себе ряд устойчивых ассоциаций. В этой символике можно выделить три смысловых слоя: библейский, мифопоэтический, ассоциативно-образный.

Библейский смысловой слой напрямую восходит к Новому Завету. Иисус (Мф. 21:42) цитирует псалом 117, говоря о себе: «Камень, который отвергли строители, соделался главою угла» (Пс. 117:22). В иносказательном значении цитата превращается в краткую строительную метафору «камень — основание здания, фундамент — человек». Несколькими главами ранее Иисус использует тот же образ по отношению к Петру без отсылки к псалмам: «...И я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне я создам церковь мою и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16:18).

В апостольских посланиях выражение «краеугольный камень» всегда обозначает Христа: он не только создатель нового вероучения, но и основа, на которой оно строится. Апостол Петр использует развернутую дискурсивную метафору построения «духовного дома» из камней-христиан: «Приступая к Нему [Христу], камню живому (I...qon zînta), человеками отверженному, но Богом избранному, драгоценному, и сами, как живые камни (æj I...qoi zîntej), устройте из себя дом духовный (oEkoj pneumatikOj)... Ибо сказано в Писании:

вот, Я полагаю в Сионе камень краеугольный, избранный, драгоценный; и верующий в него не постыдится. Итак Он для вас, верующих, драгоценность, а для неверующих камень, который отвергли строители, но который сделался главою угла, камень преткновения и камень соблазна...» (1 Пет. 2:4–7). Апостол Павел сравнивает себя с мудрым строителем, положившим основание (qemšlion) дома (1 Кор. 3:10–11). Каждый христианин — храм (naOj), в котором обитает Дух Божий (1 Кор. 3:16). Эта символика встречается и в древнерусских церковных службах: д̄ховна#, д̄шгвна# храмина (в службе Антонию Сийскому), домъ д̄ховный и домъ пргс̄тагw д̄ха (в службе Никите Переяславскому).

В богословской и эстетической мысли средневековья новозаветная строительная метафора получает дальнейшее развитие. Представление о вселенной как храме Божества привело к символическому истолкованию храма как образа вселенной, где земная твердь (основание) соединена столпами с небесной твердью. «Невозможно, чтобы Евангелий было числом больше или меньше, чем сколько их есть. Ибо так как четыре страны света... и четыре главных ветра... а столб и утверждение Церкви есть Евангелие... то надлежит ей иметь четыре столпа» (Ириной Лионский, цит. по: [2:282]).

В византийском Акафисте Богородицы встречаются практически все ключевые образы строительной метафоры (дом, храм, основание, столп, стена). С. С. Аверинцев показал связь этих мотивов с древнееврейской моделью мира, в которой установление границ космоса представляется как божественное домостроительство — полагание «оснований земли», софийный мотив построения дома и утверждения столбов (Притч. 8:27–31; 9:1–6) [1:34]. Символический ряд «Дева (Богородица) — город — стена» исследователь возводит к древнегреческому культу Афины-Градохранительницы — покровительницы законов и защитницы города от врагов [1:25, 28–29].

Мифопоэтические истоки символики указывают на связь камня как с земной твердью, так и с небесной. В индоевропейской традиции камень играет важную роль в организации космоса и упорядочении пространственной системы координат. Из камня состоит мировая гора — иконический образ равновесия, устойчивости, незыблемости вселенной. Гора — вертикальная ось пространственных координат и в то же время путь на небо. На древнерусской соловецкой иконе «Гора Нерукосечная» Дева Мария держит в правой руке гору и лестницу; очень показательно буквальное наложение этих двух символических атрибутов, объединенных общей идеей движения по вертикали.

В древнерусских толкованиях псалмов слова, обозначающие возвышенности, считаются символами пророков и апостолов, причем приводится следующее обоснование: «за высоту проповѣди» [8:168]. Высота духа сравнивается с высотой в пространстве материального мира — так образуется канал семантического переноса в подобных символических номинациях. Библейская сакрали-

зация гор и холмов отражена в древнерусских гимнах: Ди'вныи проргчг исаѿ# наigr'лмь , бидг^{нтг} "вн гора г'дн# , идоми навгрхъ гвръ . правдннжг на тгбн разумхомъ бл'годать д'ха . домъ бо вл'цн создалъ гси навгрхъ гвръ (из службы князю Владимиру, канон 1-й, песнь 5-я). Здесь и далее все цитаты приводятся по дониконновским московским старопечатным изданиям из собрания Троице-Сергиевой лавры. По техническим причинам титла оформлены в виде надстрочных индексов.

Камень связан и с небом: праславянское слово *kamy / -mene родственно праиндоевроп. *ak'mon, санскр. асман, др.-инд. а́сма 'камень, скала', 'небо' [17:138]. Прилагательное тврдыи (наряду с крпкѿи) — устойчивый эталон-атрибут камня в церковных гимнах, и небо описывается именно как твердь, в соответствии с библейской космологией (Быт. 1:6). В служебных минеях лексема тврдыи 'небо' используется в символических значениях 'рай', 'небесное царство', 'торжествующая церковь': свѣтла# свѣздо мыслгны# тврдыи (из службы Михаилу Тверскому, славник на Господи воззвах); "кожг звѣзда восѿ#ль гси на тврдыи ц'рковнѣи (из службы Ионе Новгородскому, стихира на Господи воззвах на великой вечерне).

Итак, в церковнославянской образной модели мира небо воспринимается как каменный свод вселенского здания, храма. Этот образ напрямую связан с богословской метафорой божественного «домостроительства». Важнейший положительный эталон здания или его детали — крепость, твердость, неподвижность. Одно из устойчивых определений небесного царства в церковных гимнах — нгподвижимог: ^вгрзошася тгбн двгри гдгмскѿя , и нгсказангнъ свѣтъ и трисѿ#нгнъ восѿ# блажннг въ нгподвижимомъ цр'твѿи нб'нмъ (из службы Александру Невскому, канон, песнь 5-я). По коннотациям и сочетаемости «утвержденные» небеса приближаются к «непоколебимому» камню — фундаменту, и эта связь коннотаций нередко обыгрывается в переводных гимнах: Ижг в'начатцѣ н'бса , всгсилнымъ словомъ си оутврди г'и сп'се . всгтвор#щимъ д'хомъ б'жѿимъ всю силу ихъ . на нгпоколгбимомъ камгни исповѣдания твоего оутврди (Октай, глас 7-й, ирмос 3-й песни воскресного канона на утрени).

Еще Василий Великий, анализируя образ «небесной тверди» в греческом тексте Библии, обратил внимание на то, что «наименование тверди (σείσωμα) в Писании обыкновенно дается тому, что имеет превосходную крепость, например, когда говорится: Господь утверждение (σείσωμα) мое и прибежище мое (Пс. 17, 3), и: Аз утвердих (εσειώσα) столпы ея (Пс. 14, 4), и: хвалите Его во утверждении (εσειώσατε) силы Его (Пс. 150, 1). А Писатели внешние называют твердым (το σείρον) тело как бы плотное и наполненное, в отличие от тела геометрического. Геометрическое же тело есть то, которое состоит в одних измерениях, то есть в широте, глубине и высоте, между тем как твердое тело сверх измерений имеет

и упорство» («Третья беседа на Шестоднев»). Но прилагательное stereōj, которое в переводных службах передается словами тврдыи или крпкѿи, имеет в греческом языке и отрицательные переносные значения: 'непреклонный', 'неподатливый', 'тупой', 'суровый, жестокий', 'упрямый'.

Непроницаемость камня для внешних воздействий, его крепость, неподвижность и устойчивость — важнейшая образно-ассоциативная тема строительной метафоры, она находит воплощение в устойчивых атрибутах, которые регулярно встречаются в церковнославянских текстах: камгнъ тврдыи, нгпоколгбимыи; основанѿг тврдог, нгзыблгмог, нгдвижимог; столпъ крпкѿи, нгдвижимыи, нгпргклонныи, нгзыблгмыи, нгборимыи, нгпоколгбимыи, нгпотр#сомыи; ст'на крпкѿа#, тврда#, нгрушима#, нгборима#. Эти же свойства камня могут вызывать и отрицательные коннотации: камгнитыи 'страшный, жестокий' < 'бесчувственный'; wкамгнннг нгчивствѿг. Поскольку богослужебные тексты миней — торжественные похвалы святым или Богоматери, такие отрицательные значения практически не отражены в древнерусской гимнографии.

В современном русском языке наблюдается обратная закономерность: неподвижность камня или столпа, непроницаемость/устойчивость перед лицом внешних воздействий гораздо чаще служат основой для метафор физической и умственной пассивности, эмоциональной холодности. Например, слово *каменный* определяется в словарях как 'неподвижный, застывший, безжизненный || бесчувственный, бессердечный, жестокий' (БАС, т. V, с. 724). Книжное высокое слово *столп*, восходящее к церковнославянской символике, в выражениях вроде *столпы общества* употребляется чаще всего иронически. Метафора *столб* прямо обозначает 'отсутствие активности (физической и психической)', тупость и неподвижность.

Отрицательная семантика камня в народном сознании отражена и в русских поговорках: *Ни от камня плода, ни от вора добра. На одном месте лежа и камень мохом обрастает. Под лежащий камень вода не течет*. Однако поговорки говорят о *лежащем* камне, не участвующем в организации пространства, в то время как словам заговоров придает крепость *стоящий* камень Алатырь — сакральный центр вселенной.

Семантика стояния подробно исследована В. Н. Топоровым в работе [16]: в религиозном и мифоритуальном контексте оно означает соединение Земли и Неба, огромную внутреннюю активность при внешней неподвижности, сосредоточенность, собранность, готовность к молитве. Исследователь отмечает, что *стоять/устоять* в значении противодействия внешним воздействиям встречается уже в греческом тексте Нового Завета [16:28]. Все эти мотивы, как будет показано ниже, подробно разработаны в гимнографии.

В церковных гимнах положительно оценивается не мирская активность, а только внутренняя,

ведущая к спасению. Первая всегда хаотична, вторая целенаправленна. Отсюда противопоставление символов реки и источника, которые выражают устремленность к вечной жизни или благодать, изливаемую из потустороннего мира, символу «моря житейского». Переплыв это бурное море, душа святого оказывается в «тихом пристанище», «неподвижном» небесном царстве. В службе Иосифу Волоцкому искусно использован библейский миф об исходе евреев из Египта к подножию Синая; переход через море совершается для того, чтобы прийти к небесной горе: Изъегипта страстгй изшгль гси прп^лбнг . ипршгль еси морг житгйског бгзъистоплгнц# . идостижг гори нгбгсню (канон 2-й, песнь 7-я).

Рассмотрев общую семантику камня и стояния, перейдем к отдельным деталям строительной метафоры.

Основанцг (камгнь)

Слово камгнь в значении «основание, фундамент здания» в минеях используется как синоним к слову основанцг. В ряду других строительных символов камгнь и основанцг выделяются тем, что их можно только положить (положити), но не поставить или воздвигнуть. Обычно лежание (во лжи, зле, ереси) противопоставляется стоянию [16:34]. Но закладка нового дома или храма — редкое исключение, когда лежание/укладывание становится сакральным действием. В Никоновой Скрижали 1656 года подробно объясняется символика особого церковного чина — освящения строительства новой церкви. При совершении этого ритуала архиерей кладет первые камни в фундамент и благословляет их, показы# "кв положи вснованцг хр^{та} нгпоколгбимый камгнь (лист 17). Лежание краеугольного камня, фундамента так же «непоколебимо», как стояние столпа; оно противопоставляется не вертикальному стоянию, а смещению, неустойчивости. Именно поэтому протопоп Аввакум в своем «Житии» восклицает: «До нас **положено: лежи** оно так во веки веком!.. Не передвигаем вещей церковных с места на место. Идеже святии положиша что, то тут и лежи».

Исходя из греческих соответствий в переводных гимнах, можно считать, что основанием для семантического переноса стал образ «твердая опора, поддерживающая существование чего-либо». Приведем примеры из канона и Акафиста Богоматери (песнь 4-я канона и 4-й икос): радиис# згмног основанцг (qemšlion «основание, фундамент») . во своих ложгснахъ прч^{та}# нгтридно поносивши ; радиис# тврдог вhrh основанцг (cegeisma «опора, фундамент»). Лексема основанцг может также встречаться в общих контекстах со словами начало, зачатло и коргнь: зачатло моудрости страхъ б^жцй , въ сгр^{цы} си имлль гси . коргнь и основанцг всхъ благихъ (из службы Сергию Радонежскому, канон, песнь 4-я).

Итак, основанцг — это и опора, и «начало» возводимого здания. Как и небесный купол, основание должно быть неподвижным, в минеях это устойчивый атрибут: иночгствиюотымъ нгдвн-

жимог вснованцг (из службы Пафнутию Боровскому, канон, песнь 4).

Основанцг и камгнь символизируют добродетели — необходимые условия для духовного развития, строительства уходящего ввысь храма человеческой души. Это одна из сквозных тем службы преподобному Антонию Сийскому, выраженная развернутой метафорой души как здания: д^ховнию храмини нгрикотворгню наздалъ гси, положивъ основанцг добродгтгльмъ . к^т высоth бгз^тстрастг# достигль гси (великая вечерня, стихиры на Господи воззвах); Въ началх вснованцг добродгтгльмъ бл^жгннг , положилъ гси въ д^ши свогй страхъ б^жцй . и на сгмъ основанцг и ст#жалъ гси чисть# добродгтгли , сохрангнцгмъ б^жцйхъ заповгдгй (канон 1-й, песнь 3-я). В 3-й песни 2-го канона мыслгныхъ рhкь оустргмлгнц#, приближающиеся к д^шгвннй храминн святого, разбиваются о камгнь тгрпнцг#.

Главной добродетелью, ведущей к бесстрастию и, следовательно, к спасению души подвижника, оказывается тгрпнцг, способность «хранить заповеди/закон», сопротивляясь внешним воздействиям — бедам и искушениям. В свою очередь, молитвы святого помогают молящимся сохранить подобное бесстрастие: Да оутвгрдимс# на камгни нг поколгбимhмъ твоихъ м^лтвъ , да нгпоколгблютъ насъ прилози льстивагw (из службы Авраамии Ростовскому, канон, песнь 3-я).

Столпъ

Символическое значение лексемы столпъ в церковных службах связано с греческими эквивалентами pÚrroj и stáloj. Первое слово обозначает башню, именно оно употреблено в византийском Акафисте Богоматери: Радиис# ц^{рк}ви нгпоколhбимыи столпг , радиис# цр^тви нгршима# стhно (икос 12) — ca<re, tÁj 'Ekklhs...aj Ð éseleutoj pÚrroj. ca<re, tÁj basile...aj tŌ épŌrqhton te<coj. Второе слово обозначает столб, колонну: «Побеждающего сделаю столпом в храме Бога Моего» (Откр., 3: 12) — `O níkîn, poi»sw aÚtŌn stálon ™n tù naù toà Qeoà mou. Апостол Павел использует это слово, определяя Церковь как «столп и утверждение (στύλος καὶ ἑδραῖωμα) истины» (1 Тим. 3:15). Эта парная конструкция употребляется как символическая формула похвалы и в древнерусских службах, например, в службе Алексею, митрополиту Московскому (малая вечерня, стихиры на Господи воззвах).

Новозаветный образ опорного столба-колонны напрямую восходит к метафоре божественного домостроительства из «Книги Притч», приписываемой Соломону: «Премудрость построила себе дом, вытесала семь столбов его» (Притч. 9:1). В похвалах святым слово столпъ чаще всего употребляется в значении «колонна, опора». Отметим, что выражение «столп добродетели» в качестве этикетной формулы похвалы встречается еще у неоплатоников — например, у Филона Александрийского.

В древнерусских толкованиях псалмов в символе столпъ выделяются два компонента значе-

ния: неразрушимость и связующее положение между небом и землей [8, с. 169]. Столп является иконическим образом вертикальной оси мироздания и схематическим заменителем мировой горы, поэтому символы горы и столпа могут сближаться. Самый яркий и показательный пример содержится в седальне переводного канона всем святым: Пргтгрпнѣшг, гвры трпннѣ# "вистгс# , и столпи дѣхвнѣи, мчѣнцы пргхвальнии хѣа бѣга нашгго . ^згмл# взгмшес# на высоту (цитируется по московскому канонику 1636 года издания). Здесь гора и столп оказываются практически синонимичными символами духовного возвышения.

Похожий, но менее выразительный пример употребления образов столпа и горы в близком контексте содержится в службе Евфимию Суздальскому: Къгорѣ млѣтвы пристипилъ гси , ивѣшгдѣ вооблакъ дѣха , бѣжѣ# задн## видѣлъ гси . и слави прѣгмѣ разсѣждгнѣ# , бысть ^чг столпѣ нгпоколѣби^м (канон, песнь 7-я). Автором службы был инок Григорий из Суздальского монастыря (XVI век). Стоит отметить, что в данном случае авторство свелось к незначительной переделке готовой переводной службы преподобному Евфимию Новому, взятой из октябрьской минеи (15 октября по старому стилю). Этот пример показывает, что гимнографические сочинения не всегда отражают особенности стиля конкретного автора.

Устойчивые атрибуты столпа уже приводились выше: он неподвижен, непоколебим, не отклоняется от «духовной вертикали» под воздействием внешних потрясений. Все эти эпитеты, восхваляющие святого и воплощенные в символе столпа-колонны, совпадают с качествами, которыми неоплатоники наделяли Абсолют: Единое пребывает в себе «неизменно (ametableton), нешатко (ametapoton), неуклонно (arrepes), неизменяемо (analloioton)» [15:675]. В трактате Псевдо-Дионисия Ареопагита «О божественных именах» важнейшие эпитеты Абсолюта также связаны с идеей неподвижности, неизменяемости. Неудивительно, что символ столпѣ практически всегда используется в службах «преподобным» — инокам, которые посредством аскетического подвига достигли богоподобия: столпѣ трпннѣ# (из службы Пафнутию Боровскому, икос); бысть столпѣ страстьми непотрѣсомѣ [...] радиис# цѣломудрѣ# нгпргклоннии столпг (из службы Александру Свирскому, икос).

В образе неподвижной вертикальной колонны семантика стояния воплощена наиболее наглядно — настолько, что возможно обратное движение от духовного, иносказательного смысла к буквальному. Это выражается на уровне ритуального действия. В житии Александра Свирского, написанном игуменом Иродионом в 1545 году, ночное стояние святого на молитве выглядит как прямая реализация метафоры: «в ноши же пребываше без сна, **стоя** и моляся Богу, **представляя тело свое, яко столп некий одушевлен**» (лист 17; цит. по [6]).

Характерный пример буквального понимания символики стояния, предельная ее реализация на

материальном уровне — аскетическая практика столпничества. Разумеется, в службах столпникам символ столпа используется обязательно и даже становится одним из сквозных мотивов, как, например, в службе Никите, столпнику Переяславскому. В 8-й песни 1-го канона происходит очень редкая контаминация символов столпа и евангельского светильника на высокой подставке: Сто# на столпѣ выспрѣ, "kw на свѣтницѣ свѣта пргподобнѣ свѣт#ми , всѣмъ разумѣ вѣрнымъ просвѣта# [...] возвод# сѣ# бжѣтвнымъ смысломя , к' высотѣ бгз'страстѣ#.

В генитивных метафорических конструкциях символ столпа раскрывается теми же словами, что и основание: столпѣ трпннѣ# , столпѣ добродѣтлгѣи (только в службах преподобным добавляется главная монашеская добродетель — цѣломудрѣг). В ряде случаев это привело к смешению двух символов. Так, в греческом оригинале кондака Василию Великому употреблен символ βάσις («основание») ἀσείστος τῆ Ἐκκλησίας, а в древнерусском дониконовском переводе — столпѣ нгдвжимии цѣркви. В послереформенной версии минеи, которая впервые была напечатана при Петре I, слово básij более точно переведено как уснованѣг.

Однако общность сферы-мишени не говорит о полном тождестве этих двух метафор-символов: на уровне сферы-источника между ними есть серьезные различия. И основание, и столп — опоры, но опоры разного типа. В символе столпа отсутствует семантический компонент 'начало', присущий символу камня/основания; камень/основание служит опорой, но не «возводит» на высоту. В отличие от камня/основания столп не лежит в земле, а стоит вертикально, как бы соединяя землю и небо. Символическое уподобление святого столпу выражает непоколебимую устремленность души святого вверх, к «высоте бесстрастия», Богу и будущей вечной жизни на небесах.

Стѣна, забрало, ограждгнѣг

Уже в византийском Акафисте Богоматери встречается устойчивая парная конструкция (гендиадис) стѣно и қтвржгнѣг (канон и Акафист, песнь 8-я) — текој ка^к NcUroma 'укрепление, крепость, твердыня'. Следовательно, символ стены наряду с другими строительными символами входит в общее смысловое поле твердости, крепости как основы церкви и всего мироздания. Разумеется, у этого символа есть специфическое значение: замкнутая ограда, преграда от внешних воздействий. С. С. Аверинцев выделяет в символе города и храма значение «упорядоченного и замкнутого внутреннего пространства» [3:44]; стена — заградительная преграда против хаоса [3:41]. В качестве синонимов или членов парных конструкций к слову стѣна в минеях могут выступать слова забрало и ограждгнѣг.

Как в византийской, так и в древнерусской гимнографии стѣна (с устойчивыми эпитетами нгвборима и нгршима) — это прежде всего символ Богоматери: "ко нг вборимую стѣни и источникъ чюдгсѣ стѣ#жавшг тѣ# раби твои пречѣта#

блце , сопротивныхъ вполчнѣ# низлагамъ .
Тм`жг молимъ т# , миръ гради твогми дарий,
и д`ш#мъ нашимъ вгдлю мл`ть (тропарь новгородской иконе «Знамение»). Приведенный пример показывает, что роль Богоматери-стены — защищать не только каждого христианина от бед, скорбей и искушений, но и целый город от врагов.

Семантика ограды в церковных гимнах связана с «законом», определяющим безопасные границы земного пути: Свѣтомъ чистымъ с`ты# тройца прсвѣтнѣ . закономъжг сг# ограждгⁿ . ноть житгйскую бгз`” пргтыканѣ# пргйдг (из службы Прокопию Устюжскому, канон, песнь 5-я).

Можно также сопоставить строительную символику с близким по сочетаемости словом пргдлѣ ‘граница, рубеж; заповедь, закон’: Пргдлѣ нгоуклонгнѣ вѣры , ивездржанѣ# образъ имушг подвиги тво# прп`бнг , воистину зиждитгл# пѣсньми вгличагмъ (из службы Григорию Пельшемскому, канон, песнь 9-я). Здесь не только употреблен эпитет нгоуклонгнѣ, характерный для символа столпъ, но и слово зиждитгль, указывающее на ассоциативную связь слова пргдлѣ с темой домостроительства.

Как уже говорилось, дискурсивная метафора «здание» изначально была довольно сложной и эклектичной — только в рамках библейского дискурса она вместила в себя сразу несколько смыслов. Итоговый образ, складывающийся на основе апостольских посланий, по своей структуре подобен фракталу, в котором каждая мелкая деталь повторяет более крупную. Христос — живой камень, церковь — Его тело и одновременно храм, построенный из христиан; каждый христианин — и живой камень, и храм, который еще нужно построить.

Гимнографы обычно используют отдельные структурные элементы метафорической модели в виде устойчивых клише, но при случае охотно используют богатый ассоциативный потенциал каждого символа, «разворачивают» скрытые в нем микросюжеты. Благодаря повторяемости этих сюжетов, атрибутов и генитивных конструкций можно дать общее толкование символики — перейти от сферы-источника (закладывание фундамента — возведение стен — установка опорных колонн — целостное восприятие готового «здания») к сферемишени. На наш взгляд, это **закон**, наряду с **благодатью** один из двух ключевых концептов древнерусской христианской культуры.

Дискурсивная метафора домостроительства реализуется в образах неподвижных опор и нерушимых преград, образующих необходимые рамки (пределы) для существования и духовного развития. Обращение ко всему корпусу гимнографических текстов позволило четко определить круг понятий, связанных с этим символическим рядом: добродетель, терпение, воздержание, аскетические подвиги, борьба с постоянными искушениями, защита от видимых и невидимых врагов, заповеди, закон. Эти же понятия ассоциируются у гимнографов с твердостью, крепостью, неподвижностью.

Строительная метафора занимает особое место в системе символов гимнографии. Символика света, изливания жидкости (воды, елѣя, мира), вегетативного роста и плодородия описывает разные формы **благодатной активности** Богоматери или святого. Символы же домостроительства выражают **внутренние качества** — систему ограничителей, необходимых рамок, закон, а не благодать. В библейской мифопоэтической модели мира земная и небесная тверди образуют статичный каркас **мироздания**, благодаря которому и возможна жизнь. Именно такой тип мировосприятия очень коротко и емко выразил Пушкин в «Подражаниях Корану»: «Земля недвижна — неба своды, / Творец, поддержаны Тобой, / Да не падут на сушь и воды / И не подавят нас собой».

Вся жизнь церковного подвижника проходит в соответствии с **законом**: Законно мл`твами и посто^m, всггда прггтрпгвастг . вѣбг³страстгг одл#вшгс# . плотьский разум` смирившг , крпостгю бж`твгнаго д`ха (из службы Феодору, Давыду и Константину, смоленским и ярославским чудотворцам, канон 2-й, песнь 5-я). Прежде чем назвать Пафнутия Боровского «неподвижным основанием», автор канона в предыдущем тропаре пишет: законъ б`ж`и сохранны# нгврдимw прп`бнг... (канон, песнь 4-я). Закон, заповеди и церковный устав (**установленный** порядок жизни и молитвы) нужно свято хранить, ибо это необходимая спасительная ограда для души; за пределами ограды бушует демонический хаос.

Средневековое христианское византийское русское образца отводит человеческой личности очень скромную роль. Нужно опереться на «камень» церковных «заповедей» и с Божьей помощью выстоять в короткой земной битве с искусителем, чтобы после смерти получить в награду вечное блаженство. Все отрицательное содержание человеческой психики объективировано в виде демонов, непрерывно атакующих душу «прилогами». «Прилоги» — дурные помыслы, которые могут поколебать столп «душевной храмины». Известный афоризм Достоевского «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей» показывает, что писатель глубоко усвоил православную аскетику, но совершенно забыл... учение Иисуса.

В Евангелии сказано, что злые помыслы исходят из сердца, а вовсе не входят туда снаружи. Возможно, отсталость православных народов объясняется именно тем, что вместо решения своих проблем они упорно ищут демонических врагов, внешних и внутренних?

Очевидно, что церковнославянская **модель мира**, выраженная в символике гимнов, входит в непримиримое противоречие с русской **языковой картиной мира**, отражающей обыденное сознание (не говоря уже о совершенно другой системе ценностей). Для Ивана Грозного, автора службы митрополиту Петру Киевскому, тврдыи оумомг — это похвала, но у носителя современного русского языка, скорее всего, возникнет ассоциация со словом *твердолобий*. И точно так же

«сверх-эмпирическое», по Топорову [16], стояние в современной динамичной культуре вряд ли может оцениваться положительно. Ведь уже сто лет назад Д. С. Мережковский писал в эпилоге романа «Петр и Алексей»: «Была древняя Церковь Петра, Камня стоящего, будет новая Церковь Иоанна, Грома летящего».

Говоря о церковнославянизмах как о высокой, книжной лексике, якобы дающей русскому языку особые стилистические преимущества, российские языковеды часто забывают, что «высокий регистр» легко может трансформироваться в низкий и даже стать объектом пародии, особенно при слишком частом или неуместном употреблении. В XVIII веке на предложение киево-печерских монахов стать «столпом церкви и украшением обители» Григорий Сковорода пылко ответил: «Ах, преподобные! Я столпотворение умножать

собою не хочу, достаточно и вас, столпов неотесанных, в храме Божьем». Механическое, шаблонное употребление гимнографической формулы вызывает у Сковороды такое раздражение, что он немедленно превращает ее из похвальной в сатирическую с помощью уничижительного, почти бранного эпитета. Показательно, что такую фривольную игру с сакральной символикой позволяет себе не атеист, а человек, глубоко укорененный в христианской культуре.

Церковнославянский язык как словесная «икона» средневекового сознания вряд ли может генерировать актуальные смыслы в наше время, но именно в качестве древней иконы он наверняка продолжит вызывать восхищение у всех, кто способен проникнуть в его символику и найти в ней следы великих культур древности.

Литература

1. Аверинцев С. С. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. — М., 1972. — С. 25—49.
2. Бусева-Давыдова И. Л. Символика архитектуры по древнерусским письменным источникам XI—XVII вв. // Герменевтика древнерусской литературы: Сб. 2. XVI — нач. XVIII веков — М., 1989. — С. 279—308.
3. Вендина Т. И. Из кирилло-мефодиевского наследия в русской культуре. — М.: Институт славяноведения РАН, 2007. — 336 с.
4. Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. — М.: Индрик, 2002. — 336 с.
5. Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований. — СПб.: Питер, 2000. — 190 с.
6. Житие и служба преподобного Александра Свирского. — СПб., 1818.
7. Илюхина М. А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации. — М.: Флинта, Наука, 2010. — 320 с.
8. Ковтун Л. С. Русская лексикография эпохи средневековья. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1963. — 448 с.
9. Кравецкий А. Г. Опыт словаря литургических символов // Славяноведение. — М., 1995. — № 3. — С. 97—104.
10. Кривко Р. Н. Славянская гимнография IX—XIII вв. в изданиях и исследованиях 1985—2004 гг. // Wiener Slavistisches Jahrbuch. — 2004. — Bd. 50. — S. 203—233.
11. Маслова Ж. Н. Когнитивно-онтологический подход к исследованию генезиса метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. — Тамбов: Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 2013. — № 3. — С. 49—56.
12. Мурьянов М. Ф. Гимнография Киевской Руси. — М.: Наука, 2003. — 451 с.
13. Певко Д. В. Модель мира в древнерусской гимнографии // Вісник Харківського національного університету. — Х.: ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2001. — С. 54—57.
14. Седакова О. А. Введение к серии публикаций: Материалы к практическому учебнику церковнославянского языка // Славяноведение. — М., 1992. — № 3. — С. 76—83.
15. Тахо-Годи А. А., Лосев А. Ф. Греческая культура в мифах, символах и терминах. — СПб., 1991. — 717 с.
16. Топоров В. Н. Об одном из парадоксов движения. Несколько замечаний о сверх-эмпирическом смысле глагола «стоять», преимущественно в специализированных текстах // Концепт движения в языке и культуре. — М.: Индрик, 1996. — С. 7—88.
17. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 9. — М.: Наука, 1983.